

18+

Л А Н

З

А

В

И

Н

Р

А

З

Н

О

Е

Руслан Рузавин

Разное. И раннее

«Издательские решения»

Рузавин Р. А.

Разное. И раннее / Р. А. Рузавин — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сборник рассказов и повестей с очень разными персонажами. Есть современные луддиты, пытающиеся «сжечь интернет», в буквальном смысле. Есть музыкант, что отрешивается от любви и в награду получает вселенское одиночество. Есть пират, после недели в море на обломке бревна достигший Просветления. — Разные. Они все очень разные. Как и мы.

© Рузавин Р. А.

© Издательские решения

Содержание

МУЗЫКА ВЕТРА (КИТАЙСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ)	6
I	6
II	13
III	16
IV	19
V	21
VI	22
КРАСОТОЮ СПАСЕШЬСЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Разное И раннее

Руслан Александрович Рузавин

© Руслан Александрович Рузавин, 2026

ISBN 978-5-0070-7368-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУЗЫКА ВЕТРА (КИТАЙСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ)

I

В мелодрамах пишут: «...и пробуждение его было ужасным». Действительно, каким может быть пробуждение в снегу, головой у холодного столба, если к тому же это и не пробуждение вовсе, а выход из забытья. Кровь запеклась в волосах, небольшая лужица в снегу, но это полбеды. Вторая половина в том, что мир поехал кататься на карусели, а его забыл... Или специально оставил. Как мутит, просто морская болезнь какая-то. Без моря... В этом месте муть дошла до точки, его вырвало прямо на тротуар. Наградой стало некоторое облегчение. Подумал, что, пожалуй, пора бы и встать, а то все валит и валит мокрыми хлопьями с неба. Как ни странно, на нем снега было мало, светлый плащ почти не уделало, лишь бы не растаяло под ним, все-таки поздняя осень — это не зима, будешь потом весь в грязи... Осень?

— Может помочь надо...

— Без тебя помогут, нажрался, вон, как свинья...

«Мои добрые соотечественники. Интересно, долго я здесь отдыхал у столба? Кровь на нем, кстати, тоже есть».

Встал. Штормит.

И вдруг вспомнил, нет, «вспомнил» — это сильно сказано. Просто картинки, как в детском диафильме:

— желтый огонь светофора;

— быстро летящие на него фары;

— мысль: «Оборотистый, сволочь...»;

— всё.

Он посмотрел на себя, на свой почти не заляпанный плащ, тяжелые бутсы-«альпины», правая пятка с готовностью засадила. «Вот эти „фары“ и отфутболили меня в столб. Ага, головой». Над ним, медленно кружась, горела ядовитыми цветами реклама «Кодака». Редкие тени людей. Центр города? Карусель в голове периодически меняла обороты. Почти ночь.

— Извините, не подскажете, здесь поблизости есть травмапункт? — он попытался остановить прохожего.

Тот неприязненно зыркнул из-за завесы снега:

— За углом.

И вот уже его голову осматривает добрый доктор, ему положено быть добрым, он давал клятву Гиппократ. Давно, правда. Руки у доброго доктора слегка дрожали, когда он перекисью промывал рану на голове.

— В рубашке ты родился — череп цел. Где это угораздило?

— За углом, здесь недалеко.

— Драка что ли?

«Ага, сочувствуй, сочувствуй. Сейчас скажу, что машиной сбило — ментам передадут, промурыжат полночи, уroda этого все равно не найдут — номеров нет, а мне еще домой добираться...» Домой?

— Гололед.

— Да-а, страшное дело. Гололед, в смысле. До сорока человек в день попадает. Пенсионеры, в основном. У тебя-то и бутсы, вон, хозяйские какие...

— Доктор, меня тошнит страшно.

— Сотрясений не было?

— Было в детстве.

— Все ясно, рецидив. Потощнит и перестанет, — доктор имел уже отстраненный какой-то вид. Было заметно, что чужая боль — а он много видел ее, боли, всякой разной — так вот, чужая боль не оставляет уже зарубок в его сознании. Может, это защитный рефлекс организма. Ну какой, спрашивается, токарь будет волноваться за лишнюю стружку, снятую с заготовки?

— На вот, выпей успокаивающее. Дома приложишь холод, побольше питья.

С этой заученной скороговоркой доктор открыл толстый потрепанный журнал, отлистнул три страницы, и глядя далекими глазами с набрякшими веками, спросил:

— Ваш полный титул, сэр?

— Чего?

— Фамилия, говорю, имя — отчество.

— А-а...

И тут он со всей отчетливостью увидел квартиру своей памяти, это была большая квартира, в несколько комнат. Некоторые мысли и неоспоримые факты бродили в передней. Он знал, что он мужского пола, лет ему двадцать четыре. Другие воспоминания были в близких комнатах, достаточно заглянуть в одну, чтобы понять — на дворе двадцатый век, век кибернетики и расщепления ядра. А вот фамилия, имя и даже отчество были скрыты в такой темной кладовой, что сколько он ни бродил, открывая двери, найти их не мог. Никак. Что противно, они будто бродили следом, похихикивая, играли в прятки, были рядом, но... их не было.

— Кравцов. Игорь Лексаныч, — какое-то невыразительное имя первым стукнуло в голову. Не его имя, но сойдет и такое. Не герцогом же Бэкингемским себя объявлять, в самом деле.

— Ну что ж, Игорь Александрович, паспорт вы, конечно, отдали на прописку?

Что характерно, никакой издевки, скорее просто утверждение. Привык, видимо, что поздние пострадавшие не любят регистрироваться, а иногда и настаивают на инкогнито. При помощи пистолета, например.

— Ну так я пойду?

— Всего хорошего. Будет беспокоить — обращайтесь в поликлинику по месту жительства.

«Лукавит доктор, не хочет связываться, травма-то у меня криминальная, да и понял, что напрягся я, когда фамилию спросил. Ну да Бог с ним...» Бог?

В задних темных комнатах толклись, оказывается, не только паспортные данные, но и другие не менее интересные вещи. Кстати, паспорта в карманах действительно нет, да и какой нормальный человек славянской национальности носит его с собой? Правильно, никакой.

А снег продолжал кусками мокрой ваты валиться сверху, и разогнавшись до первой космической скорости, бесшумно разбивался о ту самую землю, к которой так стремился с небес. Когда-то в такой же снег убрел патлатый человек, капая кровью с черной кожаной куртки. Куда?

И он побрел. В снег, в никуда. «Вот уж никогда не думал, что буду задавать себе этот вопрос. Кто я? Идиотский какой вопрос, джимморрисовщина какая-то». Мимо площади, наполовину огороженной забором, с башней метростроя и памятником В.И.Ленину. Мимо мрачного здания краевой администрации. Стоящие на площади многолапые фонари тряслись и приплясывали, как камлающие эвенкийские шаманы.

«М-м, голова моя, голова... Когда уже пилюли подействуют, тоже успокаивающее называется».

Та ночь так и прошла для него в полутумане, в тяжелом одуряющем желании уснуть, уснуть, как есть — сидя, стоя и утомительной шизофренической карусели, как только закрывались глаза. По кругу, быстрее, еще быстрее... В конце концов, он пришел туда, куда приходят все потерявшие дом и, реже, память, люди. Он пришел на вокзал, где и провел ночь, от которой остались в памяти только два навязчивых воспоминания. Какой-то суетливый малень-

кого роста человек рассказывал, как он учил Славку Бутусова играть на гитаре, беспокойно заглядывая в глаза и все порываясь куда-то бежать, найти стакан и выпить, наконец, бутылку водки, что с вечера болталась у него в рукаве. Второе воспоминание сложнее — милиционер в синем стоит рядом, он ехал из Чечни в отпуск домой и только что остановил и обыскал, как подозрительную личность, маленького человека. Теперь у него слегка растерянный вид, на вопрос «в лоб» — зачем он это сделал, когда вроде вот смерть обманул, домой едет, с руками-ногами — он не смог ответить. Логика не было.

Утро принесло облегчение. Голова уже не так кружилась, она просто тяжело и надсадно ныла. Он ехал в электричке, самой дальней электричке на Восток, а навстречу ему поднималось солнце цвета нефтяного взрыва — грязно-оранжевый шар как будто сочувствовал ему, да, ему тоже не нравится этот мир, полный насилия и злобы, но жить-то как-то надо. Жить-то надо. С этой мыслью он отключился.

Электричка, как и положено всему на Земле, дала оборот и вернулась. Почти шесть часов. Пассажиры не трогали его, отпугиваемые отчасти космическим белым плащом, отчасти по природному безразличию. Контролеров в тот день не было.

— Парень! Па-арень! — кто-то мелко тряс за плечо.

«Бабулька какая-то сердобольная, — тяжело просыпаясь, подумал он. — Похоже, в Тьмутараканск вернулись».

— Вставай! А то утартают в депо-то шас, приехали уж давно!

— Спасибо, — впервые за сутки он улыбнулся, встал и через секунду стоял на том самом перроне, откуда отправился утром. Чувствовал он себя абсолютно здоровым, даже ширмы и перегородки в памяти не мешали жить, хотя... Хотя определенные неудобства есть. Да где их нет.

«Но я ведь жил здесь где-то, где-то работал, наверное. Кто-то же меня знает, с кем-то ведь я общался. Где ж эти „кто-то“?» — жуя знаменитый вокзальный пирожок, он шел в центр города.

— Девуфка, Вы Веня не фнаете? — набитый рот очень осложняет общение.

Девушка шарахнулась от него, как от эксгибициониста-мутанта.

«Скверно. Эдак я попаду в кутузку только, а правды на земле не добыю. Кто ж я был-то? Вот в чем вопрос...»

— Закурить не будет? — какой-то небритый детина по-свойски придержал его за рукав. Машинально хлопнув по карману, достал пачку сигарет, угостил небритого.

«Значит, я курю. Весьма ценный факт, многое проясняет. Эх, люди-люди! Мчитесь куда-то, суетитесь! Вспомните меня, ведь я же не в вакууме жил, среди вас ведь! Не слышат, у всех свои дела на этой земле, первое из которых — хлеб насущный. Или французская булка — кому что. До меня ли им? Пирожок, кстати, кончился. И с деньгами не густо...»

Он вдруг поймал себя на том, что уже пару минут никуда не идет, а стоит в переходе возле уличного музыканта, играющего странную, нетипичную для городского фольклора песню.

— Ночью безлунной в водной пустыне спят пулеметы...

«Ишь ты, придумал ведь — „пулеметы спят“, — что-то завораживало, цепляло в этой песне, что-то тоскливое и темное было в ней, как сама холодная и тяжелая морская глубь.

— Выпит весь ром, все жертвы убиты, прокляли дети... Только могила примет исход великого дела...

«М-да, оптимистичная песня, совсем почти как у меня все...»

Песня закончилась, два-три аккорда и гитара захлебнулась, умолкла.

— Закури, — он протянул музыканту пачку. — Хорошая песня, душевная. Сам сделал?

— Нет, «Текиладжаззз» это, — музыкант закурил, зябко засунул руки в куртку.

— Подожди, я знаю «Текилу», у них вроде нет такой? Ну, на «Целлулоиде» по крайней мере.

— Это ранняя. «Стреляли?» альбом называется.

— Здорово, слушай! Они, оказывается, экстремисты были! Партия у тебя, кстати, на гитаре интересная. Что-то среднее между басом и ритмом. Меня Игорем зовут, — он протянул руку.

— Павел, — музыкант на секунду вытащил руку в матерчатой перчатке без пальцев, быстро пожал и опять спрятал в куртку. Глубоко затянулся.

«Ну вот, это я называю неловкое молчание».

— Ты не думай, Павел, я не из тех, кто кучами подходят к тебе показать, как они сами «чувствуют» музыку, типа. Я был в Питере на концерте «Текилы», потрясная вещь. Бывает такое, что кто-то как бы продолжает твои мысли, делает то, что ты собирался сделать, но не успел просто.... Ну, сложно, конечно я излагаю...

Он выпустил дым короткой сильной струей, задумался. Музыкант с некоторым интересом украдкой поглядывал на него, сигарета его почти дотлела. Он отщелкнул «бычок».

— Да, в общем, понять можно.

— Да? Я музыкант в прошлом, не «профи», конечно. Когда у нас только начало получаться, мы распались. Еще немного попрыгал один, но нельзя всю жизнь писать «в стол», на будущее то есть. Слушай, может по пиву?

— Ну, раз такое дело, коллега... Я все равно собирался заканчивать — прохладно сегодня что-то.

И вот они уже идут, прихлебывая дешевое пиво из бутылок.

— Давно на улице?

— Года два. Учусь я, в институте искусств. Подрабатывал — сторожем там, грузчиком. Но, во-первых — силы и время тратятся много. Во-вторых — отрыв от гитары, аппликатура хуже идет, пальцы то есть вязнут. Вот я и решил — приятное с полезным, да и деньги почти что те же.

— Я вот тоже... Учился тоже... В институте. Слушай, не поверишь, конечно, но не помню в каком. Зрительно помню, название — нет.

— Да, не верится. Судя по твоему возрасту — недавно учился.

— Да дело не во времени, неприятности у меня были с головой, вчера, — приподняв волосы, он показал Павлу коросту. — И имя, кстати, свое не помню, «Игорь» — это от балды, как брякнул вчера доктору в травмапункте, так и прицепилось.

Музыкант уже с любопытством глядел на этого нового Будулая.

— А доктор чего?

— Да не вникал он особенно. «Голова покружится — пройдет, приложишь лед...» Не верю я докторам.

— В больницу тебе надо, вот чего. К нормальным врачам...

— Че толку-то! «Тормозаторами» накачают и будут ждать, пока сам вспомню. Нет, не верю я докторам. Я вот по улицам брожу, надеялся вспомнить, а это — как дежа-вю — вроде видел все, все знаю, а откуда? Не помню.

— Ну так, знаешь, тоже смысла нет болтаться. Куда пойдешь-то? Плащик у тебя не предназначен для бродячей жизни.

— Деньги есть пока, немного, правда. Рублей... восемьдесят. Выкручусь.

Павел молча достал из рюкзака полиэтиленовый пакет из-под кефира, набитый мелочью и отдал его лже-Игорю.

— Рублей сто есть. Бери-бери, я еще завтра напую. Но вообще зря ты в больницу не хочешь, — потоптался на месте, чувствовалось, что ему неловко вот так, просто взять и уйти.

Но не верим мы людям, не привыкли пускать их в тесную коробушку своей жизни, а последнее время и подавно. Человек человеку...

— Ну, я пошел. Счастливо.

— Ага, давай, — взгляд лже-Игоря уже был отсутствующим.

Не дожидаясь, пока Павел уйдет, он сел на лавку, поставил пустую бутылку рядом и устался на дом напротив. В памяти откуда-то проявилась фраза: «Этот архитектор широко использовал в своем творчестве элементы античного стиля, чуждые, впрочем, его веку и непонятые современниками...» Со стены дома напротив на него равнодушно взирал гипсовый Арес. Ему было все равно.

Спокойствие, какая-то долгожданная умиротворенность овладели им. Конечно же, это пришло из бутылки, стоящей рядом. Ведь еще безумный Ван Гог, будучи на ту пору не совсем безумным, по совету Диккенса вместо завтрака съедал ржаной сухарь, запивая пивом. Лучшее, говорят, средство от самоубийства. Только, в случае Ван Гога — не впрок... В воздухе вдруг словно бы раздалось «дзыньканье» разбитого стекла, прохожие куда-то испарились, лишь за углом цокала копытами лошадь, и что-то физически почувствовав спиной, он обернулся. Обернулся слегка, ловя глазом движение. Обернулся совсем. Никого. Только стена, будто изъеденная тысячью пуль, неровный бугристый кирпич цвета старой запекшейся крови. Вспомнилось вдруг хорошее революционное выражение: «Поставить к стенке». Иллюзия была настолько полной, что вот-вот, казалось, в воздухе зазвенят с параноидальным воодушевлением слова: «Именем советской республики...» И клацнут затворы трехлинеек, а те стволами доверчиво потянутся к цели. Белогвардейцу-гаду. Фу-ты, дурь какая. Он резко повернул голову обратно. Все на месте — бронзовый Художник-с-зонтом, прохожие, спешащие домой к ужину.

Неприкаянность и Музыка ветра.

Неприкаянность.

Музыка ветра.

Он вскочил и, лавируя среди прохожих, быстро пошел в ту сторону, куда ушел Павел. Каким-то животным инстинктом он чувствовал, что надо цепляться за Павла, за этого единственного знакомого ему человека в городе. Как ни странно, он догнал его, и довольно быстро — через пару кварталов.

— Молодой человек! — нагнав, похлопал музыканта по плечу. — Не вы обронили пакет из-под кефира? Нам чужого не надо.

— А-а, это ты, — Павел как-то торопливо улыбнулся и поправил чехол с гитарой. — Хорошо, что догнал. Слушай, ты ночуй сегодня у меня, а там придумаем что-нибудь.

— Я, Паша, могу вагоны грузить, чтобы не быть тебе обузой, а потом все-таки не теряю надежды вспомнить...

— Хэ, вагоны! Там, брат, своя мафия. Свой постоянный контингент — студенческие бригады, ребята крепкие, не всунешься. Проверено уже. Ты лучше подумай, у меня еще есть гитара, можно играть в две, можно в разных местах стоять.

— Тоже хорошо. Раньше-то я дофигища песен знал. Сейчас, если напрячься, можно вспомнить...

— Лучше не напрягайся, говорят, вредно при таких травмах. А что играть — найдем.

Так, за приятной беседой, они подошли к старому деревянному дому на одной из улиц имени Еврейского народного героя. «На одной из» потому что в Тьмутараканске было несколько Еврейских народных героев и, соответственно, несколько улиц их имени. А «за приятной беседой» — это тоже не издевка. Только человек, заблудившийся в тайге или в пустыне может *так* радоваться другому человеку. Только потерявший память может в полной мере оценить человеческое сочувствие и, не побоюсь этого забытого слова, тепло.

— А ты, Паш, оказывается, в центре живешь, — они поднимались по скрипучей полутемной лестнице с высокими пыльными подоконниками.

— Ага. Когда мне в наследство от бабки квартира досталась, уже хотели сносить, а нас расселять. Вот, до сих пор... Давай я тебя буду хоть Игорем называть, негоже как-то человеку без имени.

— Без проблем.

Павел открыл старую, обитую дерматином дверь своим ключом и с полутемной лестницы они попали в полутемную прихожую. Даже пахло там похоже — старыми стенами.

— Это кто там пришел? — навстречу им в коридор вышла невысокого роста полноватая молодая женщина с простым лицом и забранными в «хвост» волосами. Наклонившись вперед, она вела перед собой пухленькую девочку с капризно выпяченными губками и темными глазенками. Девочка, не отвечая, смотрела не на папу, а на гостя в белом плаще.

Женщина совершенно не удивилась приходу папы не одного, а с кем-то, и сама же объяснила девочке:

— Это па-апа пришел, а с папой дядя. Поздоровайся с дядей. Ну, что молчишь, дикарка ты дикарка. Скажи дяде: «Здра-авствуйте!», — женщина улыбалась.

Странное дело, она не была особенной красавицей — веснушки, черты лица довольно крупные, но от улыбки ее веяло каким-то уютом, чем-то одновременно добрым и озорным.

— Это папа пришел, молочка нам принес! — протянула она, улыбаясь Павлу.

— Вот же... — Павел остановился, не сняв до конца рюкзак. — Забыл, вылетело совсем...

— Я схожу, — «Игорь» повернулся к двери и отщелкнул «собачку» замка.

— А ты помнишь — куда? — Павел опять не доснял рюкзак.

— Помню, такое не забывается. Тут на всю округу из магазинов одна «шестерка» и есть. Бывшая «шестерка», ныне «Элита».

И вот он опять на улице. На этот раз во дворе. Многие люди думают, что знают город, они часто бывают в нем на «барахолках» и базах, они знают наперечет названия всех центральных улиц. Возможно, они бывали в театрах, возможно, они даже работали здесь. Но если они здесь, в городе, не жили, если один из этих сдавленных стенами клочков земли с запахом из мусорных баков не был двором их дома, они не знают города.

Он отчетливо понял, что этот карликовый двор видит впервые. Самое странное, что рядом шумела улица, которую он прекрасно знал. Улица эта плавно переходила в Общественный мост. Он знал даже все ее крупные перекрестки, но совершенно не знал дворов. А двор был знатный. Помимо полуразрушенной каменной кладки какого-то здания, видимо тоже в античном стиле — чем иначе объяснить эти соединенные вместе грубые камни разной формы, двор содержал перекошенную качельку, качаться на которой могли только дети с очень сильным вестибулярным аппаратом. Несколько чахлых деревьев, а правильнее сказать, воткнутых корнями в твердую землю палок и, наконец, две лавочки, недобитые обкуреными тинейджерами. На одной из лавочек, несмотря на промозглую погоду, удивительным образом балансируя на двух оставшихся перекладах, устраивался поспать какой-то очень пьяный субъект пролетарского происхождения. Точнее, люмпен-пролетарского.

— О-о, а я тебя знаю! — пьяно забазлал он, увидев нашего героя. — В ментуре, нас «замели» вместе, ты весь угол заблевал...

Прислушавшись было к первым словам, могущим пролить свет на его Тайну, герой наш прошел мимо, деликатно не отвечая на панибратские приставания Пьяного. Что-то подсказывало ему, что с этим человеком вместе «замести» его не могли. При любом раскладе.

Он вышел на улицу им. Еврейского народного героя. В лицо бил с реки холодный ветер. Грязные сумерки пахли выхлопными газами сотен машин. Эта особенность города, должно быть, сильно помогала слепым понять, где центральные улицы.

«А ведь у меня могла быть семья», — вдруг пронзило. От этой мысли ему стало жарко. «Могла быть жена, мать, дети, возможно. Ну ладно — дети, я бы их вспомнил... Хотя... У-у, память, память! Десятки лет человек старается забыть что-то и не знает, как это противно. Как противно ходить вокруг чего-то, что вчера было само собой разумеющимся фактом, а

сегодня потеряно, и глубоко, глубоко...» Его заспинные воспоминания веселой стайкой убежали в дальние комнаты, шушукаясь и хихикая, по обыкновению.

Вот и магазин продуктов «Элита», ранее продмаг №6 — «шестерка».

— Девушка, какое молоко вкуснее? — он приветливо улыбнулся.

— Кому как нравится, — реакция «девушки» ярко иллюстрировала закон «действие равно противодействию», настолько злобно она огрызнулась, показав две глубокие вертикальные морщины у рта.

— А какое самое полезное? — не унимался он со своими улыбками.

— Все полезное, — нет, это не его день.

— За двенадцать, «тетрапак», — он протянул деньги без сдачи, что, как известно, любят все продавцы. — Я почему-то так и думал, что вы это скажете.

— А если думал, че спросил?

Вопрос звучал риторически. Он понял всю неуместность своих улыбок и, повернувшись спиной к этому Мстителю-за-всех-угнетенных-баб, вышел опять в промозглый вечер. Вышел и понял вдруг, что ноги — не идут. Странное дело, обычно отчаяние приходит из головы, а тут оно пришло от ног. Мозг успел проанализировать: «Да, не идут ноги-то...», и только потом понял, что это отчаяние, отчаяние до тошноты. Такое, что хотелось раскинуть руки и заорать что есть мочи, заполнить своим истошным криком несколько кварталов и сделать шаг с брусчатки на ревущий иномарками асфальт. А потом весело, но недолго хохотать над врубившейся в столб новой «субару» и вскоре мчаться уже куда-то на капоте «крузака»...

Он вытер капли пота со лба. Ноги стояли. Вспышка яростного отчаяния была вызвана бессилием, невозможностью что-то изменить и понять. Большинство людей в глубине души свято верит в постулат: «Человек — царь зверей». Человек может все. Вырубить амазонскую сельву, изменить климат, вызвать землетрясение. И вдруг он не может вспомнить идентификационную аббревиатуру, которая только у него такая и ей он отличается от остальных двуногих млекопитающих. В их обществе. Ноги по-прежнему тупо стояли, посылая раздражающие импульсы мозгу. Хамство продавщицы, этого задерганного существа, озлобившегося от вечной китайской лапши на обед, было всего лишь поводом. Толовой шашкой у подножия снежной лавины. Причина была одна — бессилие. Можно как угодно, просчитывать возможный маршрут до «точки аварии», строить логические цепи, но имя все равно будет в Темной кладовой квартиры памяти.

«Спокойно. Спокойно. Не надо вот этого. Вот это совершенно излишнее. Да, это случилось. Случилось со мной и надо исходить из этого, плясать от печки. Надо идти к Павлу домой, поесть, поспать, хоть и стыдно стеснять его, конечно, но... Завтра будет видно. Спокойнее, главное. Кстати, про «поесть»...

Он вернулся опять в магазин, купил, не глядя на продавщицу, еще какой-никакой снеди и, уже слегка успокоившись, пошел к Павлу.

II

— Вам еще положить? — жена Павла, которую, как выяснилось, звали Светой, выжидательно-приветливо смотрела на «Игоря».

— Нет-нет, спасибо, я наелся. Все замечательно вкусно, — он улыбнулся и поставил пустую тарелку к мойке, не вставая с табурета — кухня была очень небольшой. — И можно на «ты», я ведь еще не пенсионер.

— Представляешь, — Света смотрела уже на Павла, — сегодня пошли с Людочкой гулять, а там Рябилина Оксанка с Данилкой своим, тоже прогуливаются. Нам так Данилка понравился, мы так ему улыбались, играть с ним хотели, савочек ему давали. А он бука какой-то. Бурчал все и отворачивался. Все вы, мужики, такие. Люда, ну-ка не балуйся с ложкой! Ну, кто кашкой перемазался у меня? Колбаса ты, колбаса.

Удивительным образом успевая и рассказывать, и вытереть полотенцем рот Людочке, и весело-удивленно улыбаться — вот, мол, какая неаккуратная по молодости лет, но все равно ведь милая дочка у меня — Света сообщала всем окружающим какой-то заряд доброты, приходящий как бы из ничего, из мелочей. И все окружающие понимали, что — да, очень милая девчонка, что перемазалась, так это ерунда, все мы в ее годы... И было всем как-то просто и радостно и за Людочку, и за Свету, что у нее такая дочь, и за Павла, что у него такая семья.

— Спасибо, милая, — Павел украдкой и как-то немного торопливо чмокнул жену в щеку. И в этом тоже было как бы признание, да, знаю, какая у меня замечательная жена, и дочь замечательная. — Мы сходим к Денису, прогуляемся после еды.

И вот они опять во дворе. Снег валил с новой силой, люмпен-пролетарий мирно спал под скамейкой.

— Надо бы разбудить его, замерзнет запросто, — «Игорь» направился к люмпену.

— Сколько его помню, всегда здесь спит. Да и идти ему некуда, тетя Клава все равно пьяного домой не пустит.

Они закурили.

— Сейчас пойдем к другу одному, он в компьютерной фирме работает тут, недалеко. Ты не удивляйся ничему, — Павел натянул все те же перчатки без пальцев, глубоко затянулся.

— Начало интригующее. Вы хотите свергнуть правительство? — «Игорь» улыбнулся не столько своей сомнительной шутке, сколько тому, что, надев перчатки, Павел глубоко засунул руки в карманы. Он как будто постоянно мерз, поэтому и движения его были торопливые, как перебежки от тепла к теплу.

Они опять шли по улице им. Еврейского народного героя. Ветер гнал навстречу по брусчатке городской мусор пополам со свежим снегом. Какой-то мальчик, уперто сопя, провез на санках улыбающуюся беззубым ртом бабушку. Санки дико скрежетали полозьями, высекая искры.

«О, небо, небо! Странные видения наполняют мир, до чего странные. Или моя подбитая голова приобрела способность видеть то, чего нет?» — он покосился на Павла. Тот шел, безучастно светя «бычком» в углу губ. Никакие старушки не трогали его.

— Они всегда здесь ездят, только летом на коляске. Прогулки у них такие, — Павел говорил, не разжимая зубов и не выпуская окурок изо рта.

— Угу, — промычал «Игорь». «Слава Богу, не рехнулся еще, значит».

Видимо, дверь в помещение фирмы «Компьютер-с» открывалась дистанционно, потому что когда они позвонили, замок щелкнул, дверь открылась, но за ней никого не было. Сам менеджер по продажам, он же друг Денис, он же сторож, сидел перед монитором и, привычно кликая по «клаве», основывал государство, материализовывал воинов, слонов, прививал им

зачатки цивилизации, воюя попутно с варварскими племенами, в общем, готовился к экзамену на Господа Бога.

— Привет, Денис.

— Здорово, — не отрываясь от монитора.

— А если бы это пришли злые люди? Мерзавцы, например, какие-нибудь с негодьями? Не спросил ни кто, ни зачем, впустил...

— Да ладно. Кто кроме тебя в такую погоду попрется. Все мерзавцы дома сидят, автоматы чистят.

В это время злобные пришельцы с планеты Марапуту сожрали-таки всех воинов вместе со слонами и башнями и, таким образом, у Дениса появилась пара свободных минут.

— Ну, выкладывай, — он повернулся к гостям на вертящемся стуле. — Как дела у партизан от музыки?

Видимо, здесь никто не удивлялся незнакомцам с улицы.

— Зашибись. Кривляемся понемногу, — Павел зябко улыбнулся. — Это «Игорь», положительно «Игорь». Не помнит ничего — ни имени, ни фамилии. Травма головы.

— Круто. Я бы тоже иногда хотел все забыть, особенно работу и босса с «нахлобучками», — Денис указательным пальцем поправил очки на переносице, улыбнулся.

— На самом деле это не так забавно, как кажется, — «Игорь» придвинул к себе такое же вертящееся кресло на колесиках и сел, расстегнув плащ.

— Да понятно, это я так. Пиво будете?

— Будем, Денис, будем. Никто тебя за язык не тянул, — Павел улыбался уже широко. Видно было, что здесь он частый гость, что «поддеть» товарища у них с Денисом — святое дело и никто ни на что не обижается.

Денис «отмагнитил» с полки листок с надписью «Мауса — не гадить», поставил на него две китайские черные кружки и, достав из под стола баллон с пивом, разлил по кружкам, не забыв и себя — кружка с надписью «Харитон».

— А почему Харитон? — «Игорь» проявил любопытство, отхлебнув пива.

— Псевдоним. Сценический.

— Ну так что ты нарыл за неделю, великий хакер? — Павел полушутя глядел на Дениса.

— Да есть тут балда одна. В банковских директориях ходит подпрограмма — надсмотрщик. Типа, ходит и проверяет все ли везде в порядке, и все такое. Хы-хы. «Дубак» в тюрьме, своего рода. Сама она ничего не делает — не для того предназначена, но имеет доступ ко всем местам, вплоть до «мусорки». Вот если прикинуться ею, но составить ее так, чтобы иметь возможность ковыряться в программах...

— И ты, как смелый парень, готов попробовать это на практике? — глаза Павла вдруг стали испытующими.

— Ну да, только попыжиться еще над этим надо, но и «Интернет — кафе» наше открывается на той неделе только.

— Сколько хочешь выгнать? — Павла было положительно не узнать. Он перестал мерзнуть, слова произносил деловитым тоном, и, самое главное, было ощущение, что он знает что-то, чего никто не знает.

«Прямо Ленин в октябре», — подумал «Игорь» с уважением.

— Да «косарей» сорок, как зарплату мелкому филиалу. Сразу в глаза не бросится, а когда увидят, ищи ветра в поле, — Денис, видимо, воспринимал все это как продолжение Стратегии, ловкий ход против злобных пришельцев с Марапуту.

— Смотри, у нас не Америка, если служба безопасности вычислит, судить тебя никто не будет, — Павел как-то уже нехорошо улыбнулся.

— Ваша шумиха внимание отвлечет, это раз. А обналичить Бородач сходит за умеренную плату, это два, — глаза Дениса радостно блестели, руки уже как будто ощущали приятную шершавость новых столларовых банкнот.

— М-да, у Бородача внешность фактурная, это точно. Пусть забирает через час где-то. Кстати, почему «Бородач», у него же сроду бороды не было?

— А чтобы враг не пронюхал. А может, была в детстве.

«Вот оно, господа, свершилось! Великая американская мечта о миллионе нахалюу пришла и на нашу землю. Теперь уже, найдя на улице чемодан с героином, никто не понесет в милицию. Разве только замшелые пенсионеры, и то скорее вразвес продадут».

Пока «Игорь» так размышлял, Денис с Павлом еще немного поговорили о звуковых картах, о компьютерной музыке и Павел поднялся, видимо, собираясь уходить.

— Ладно, с твоим гонораром все ясно. Ну, бывай. Пошли, Игорян.

— Удачи, двери захлопните, — Денис опять вернулся к великой битве с марапутянами.

Улица совершенно не изменилась за то время, что они были внутри. Ядовито моргали неоновые огни реклам. Где-то обиженно заливалась автомобильная сигнализация. Где-то быстро перемещался бумбокс на колесах. Промозглая и сырая ночь окутала город. В подворотне обрывок газеты в паре с одноразовым стаканчиком танцевали зажигательный танец-фламенко. Павел вдруг, совершенно непохоже на себя, нарушил молчание.

— Старик Версаче верно ухватил дух времени. Золотое на черном. На самом деле, чем роскошнее вещь — золотое, тем больший урод ею обладает — черное. Почему нувориши и любят «прикид» от Версаче. Тебе вот, например, приходилось ездить на «мерседесе»? И не придется. Не то чтобы я завидовал, нет, просто это очень наглядно иллюстрирует нашу жизнь. И весь прогресс, все движение мысли направлено во зло. Мы не туда куда-то движемся. Компьютеры, Интернет — свалка «порнухи» и мусора. Полезные вещи тоже есть, но это крохи, крохи по сравнению с горой грязи, с сайтами всех этих бен-ладенов, басаевых и других... И я очень хорошо понимаю луддитов. Луддиты разрушали станки, они правы были по сути, если станок отнял у тебя кусок хлеба — разбей станок. Если Интернет сделал твою жизнь хуже — убей Интернет!

— Эк ты махнул! Интернет не уничтожить, можно, в лучшем случае, повредить его кусок, — «Игорь» с удивлением смотрел на Павла.

«Вот тебе и уличный музыкант, прям лидер движения сопротивления. И кто мог подумать! Видно, выстрадавшее у парня, наболевшее. Как по нотам чешет».

— Все станки тоже нельзя было сломать, и луддиты понимали это. Но нельзя давать согнуть себя...

— А ты не боишься мне это выкладывать? Вот так вот с Денисом при мне? Вдруг я наступчу куда следует? Мне потом часы командирские подарят.

— Да стучи сколько влезет! Кто поверит человеку без паспорта и памяти?

— Да ладно, пошутил.

Танцы-фламенко.

Танцы-фламенко.

III

— Сам таймз э фил лайк а донт хэв э портнэ....

Мутное солнце бледно-желтым нарывом проглядывало в осеннем небе города. Белый человек в тяжелых бутах с ободранной гитарой пел какую-то нездешнюю песню. На чуждом языке, к тому же. Прохожих было мало, денег им явно было жалко. Тинейджеры, проходя мимо, громко и тупо ржали, откуда им было знать творчество Red Hot Chili Pepper's в их лучшие годы.

«Не прет что-то сегодня, надо перестраиваться. Скоро совслужащие на обед пойдут, что там у нас из Розенбаума...»

Работая на улице третий день, «Игорь» уже потихоньку начал привыкать. Пальцы уже не вязли в струнах, взгляд был направлен не только под ноги, как у нашкодившего пионера, но и изредка на прохожих. Из песен были выбраны только самые «верные» — ремесло есть ремесло. «Текилу» и РНСР мало кто понимает, пришлось сколотить блоки из Чижа, Шевчука, Цоя, Розенбаума, Новикова. Разнокалиберная, в общем, смесь получилась. Иногда, для души, «Игорь» втыкал «Текиладжаззз» в свою программу и тогда от него шарахались простодушные пенсионеры, а скинхеды начинали поглядывать заинтересованно.

«Ладно, минут пять-десять есть — обед в учреждениях начинается в час, сейчас без десяти», — думая так, полез в карман за сигаретой. Не снимая гитары, закурил.

Откуда-то издалека порыв ветра донес тонкий мелодичный звон.

Музыка ветра.

«Надо же, как правильно кто-то назвал эти китайские трубки-колокольчики. Хм, „кто-то“, китайцы и назвали, так и есть, будто ветер поет...»

«Игорь» вспомнил вдруг — во времена, когда он еще не был Кравцовым И. А., в раннем детстве он тоже слышал музыку ветра. Только ветер пел в проводах, а провода были на улице, небольшой деревенской улице. Он, совсем еще мелкий шкет, сидит у окна и смотрит на провода сквозь ветки черемухи, что растет в палисаднике. Звук тонкий, долгий, на одной ноте — тоже музыка ветра, но совсем другая, чем у китайцев. Еще вспомнилась добрая бабушка, что зовет есть внука-созерцателя... Воспоминание пришло и ушло — дверь в кладовую памяти открылась и закрылась, ничего не ясно.

«Вот ё..., лучше б вспомнил, как паспорт получал, глядишь, имя бы всплыло», — он невесело улыбнулся, затянулся сигаретой.

Солнце продолжало нарывать на синяке неба. Ветер тянул по улице холодную пыль. Какой-то поэт написал: «Одинокость — кость в глотке». Люди одиноки в этом городе. Они, может быть, и везде одиноки, но в деревне они понимают или инстинктивно чувствуют это, цепляются за окружающую жизнь. Помнят всех родственников, хоть и далеких. Уж по крайней мере, поздороваться есть с кем. А ведь это большое дело... большое дело сказать кому-то: «Здравствуй». Или: «Привет». И улыбнуться.

Если есть кому сказать. А здесь некому. Он не нужен ни этому городу, ни кому-то в нем вообще. Лишний.

Сигарета кончилась.

Тоска осталась.

— *День такой хороший*

И старушки крошат

Хлебный мякиш сизым голубям...

Розенбаум стабильно пользовался каким-никаким успехом — людям, видимо, нравится, что поэт вышел из их среды, из среды врачей «скорой помощи». Ну и легкий налет прибалтненности, конечно.

— ...да не хлещи коня,
Ему же больно!

— Хорошо поешь, были бы деньги, не пожалел бы, честное слово, — рядом, улыбаясь, стоял Павел. Это было на него не похоже, обычно он работал совсем в другом районе и допоздна. И как наш герой не старался прийти позже, почти всегда заставал дома одних Свету с Людмилой. Что-то в глазах Павла было не так, как всегда, если бы не знать его, можно было бы подумать, что он пьян. «Игорь» вгляделся внимательнее, ничего не понял.

— Привет, коллега. Каким ветром в наш околоток?

— Да так, не работал сегодня.

— В институте был, что ли?

— Нет, и на учебу не ходил. Ездил я, по делам ездил в поселок Великого Полководца.

Павел говорил все это как-то далеко, как из другой комнаты, и что-то было в его лице... Так, видимо, общались между собой декабристы и народовольцы — люди, одной ногой стоящие на эшафоте. Причем, это выражение лица приходит даже раньше, чем собственно взведут на него — парадокс.

— Давно хотел сказать тебе, Паш, не нравится мне выражение лица твоего. Знаешь почему? Ты похож на Нечаева, террорист такой был в царское время. У него тоже глаза смотрели внутрь, в себя, на фотографиях, по крайней мере. Ты часом не задумал ли чего?

— А если бы задумал? Ты бы что, попытался остановить?

— Смотря что. Смотря что ты задумал, если ограбить банк, то...

— Мелко берешь, брат. Деньги лично меня не интересуют.

— Свергнуть правительство, думаю, будет не так просто...

— ...а главное — непродуктивно. На смену придут такие же козлы... Нет, не угадал опять.

— Тогда что же-с? Теряюсь в догадках.

— Все просто — Интернет. Детище человека пожрет его же самого. Если не остановить его, конечно.

— Но Интернет не убить.

— Нет, не убить. Но можно отсечь ему конечность — один регион. К примеру, наш.

— И как же это, интересно знать?

Павел загадочно посмотрел на «Игоря», бережно снял с плеча футляр с гитарой. Только сейчас «Игорь» увидел футляр, и это было странно, ведь Павел сказал, что не работал сегодня. Странности накапливались.

— У тебя как с памятью-то, не прорезалась?

— Если бы прорезалась, ты б узнал первым.

— Ладно, не дуйся. Просто все может измениться, да, все может измениться совершенно и необратимо. Надоело мне. Вот так вот жить, как «никто» — надоело. Я умнее и выше любого толстосума на голову, выше тем уже, что я создаю. Мои песни кому-то нравятся, кому-то нет, но есть ведь, есть те, кому они нравятся. Кому они хоть немного облегчают жизнь. А эти, олигархи, мать их, они ничего не создают, только набивают кошельки, за счет нас же, кстати. И как я не упирайся, сколько не пой, какие песни не сочиняй, я все равно буду здесь, а они — там. А вообще не это главное все. Главное, что я презираю компьютеры.

Тут «Игорь» не выдержал и расхохотался — настолько вся эта горячая тирада не вязалась с конечным выводом. Резюме, так сказать. И тут же поймал себя на мысли, что хохочет вот так, во весь рот едва ли не первый раз со времени своего второго прихода в мир. Павел, меж тем, удивленно посматривал на него.

— Паш, а ты знаешь, что, и это научно доказано, у террористов фанатиков в духовном, так сказать, образе, Танатос преобладает над Эросом. Тяга к смерти над тягой к жизни, простыми словами. Они практически уже Там. И все это — от недостатка чувства юмора. Ну неужели

ты в самом деле хочешь пойти на преступление, рисковать сесть, а в худшем случае, сам ведь говорил, у нас не Америка, могут ведь и грохнуть. И это вместо того, чтобы вечером прийти к Светлане и Людмилке, обнять их...

— Понял. Я понял твою мысль. Но я не хочу изменять мир, я не идеалист. Я просто хочу сказать — я не такой. Я могу сто раз приходить, обнимать и жить в своей теплой вонючей норе. Я не буду *так* жить. И дети мои, Бог даст, не будут. Ладно, пора мне, хоть раз в пятилетку приду домой пораньше...

— Я с тобой.

— Ага, зачехляй инструмент.

— Ты не понял. Я с тобой пойду ломать Интернет, — тон «Игоря» был решительным, но глаза все еще метали искры. Смотрел он слишком иронично для такого серьезного заявления.

Павел же нисколько не удивился, только оценивающе взглянул на долговязую фигуру товарища.

— Что так смотришь критически, насколько я знаю, ты и сам в компьютерах не сильно «рубишь».

— Да я не потому. Компьютерными делами есть кому заняться. Остальным тоже работы хватит. Я вот думаю — надо ли тебе это?

— Надо. Как бы объяснить, «плюс» потери памяти в том, что понятие добра и зла пишутся с чистого листа. Я ведь не помню предрассудков, я вижу эту жизнь такой, какая она есть. В ней такой для меня нет места. Для меня такого.

— Но все может измениться. Ты ведь можешь все вспомнить.

— Ладно, хорош болтать. Дело говори — что задумал?

— Да, собственно, как я и говорил, все просто. Через пару дней открывается Интернет-кафе от Денисовой фирмы. Оно же — Интернет-провайдер. Глобальная, в общем, точка. К ней подведут оптоволоконный кабель, поставят сервера. А у меня как раз есть стационарный лазер на колесах. Некоторые плюсы в упадке оборонной промышленности есть — пропивают все, что могут продать. Довольно мощная вещь за символические деньги. Если подключить — кабель не рассчитан на такие мощности, он выгорит. И, если постепенно разогревать луч, выгорит часть серверов в другом регионе.

— Да, парень, твою бы энергию да в мирное русло... А как ты, собственно, собираешься подсоединиться к кабелю? Вот так войдешь, и скажешь: «Извините...»? Или через Дениса?

— Нет, Денис скачает денег у одной конторы и уйдет. У него другая задача — задействовать как можно больше адресов. Чтобы больший урон нанести врагу.

— Ну а кабель-то, кабель?

— Во-от. За этим я и ездил в поселок им. Великого Полководца. Павел перевернул свой футляр, расстегнул краешек и, повернувшись спиной к редким прохожим, показал соратнику лакированный темно-коричневый приклад.

— «Тулка», шестнадцатый. Купил у бича, он теперь мно-ого себе спирта возьмет. Отвечая на твой незаданный вопрос, говорю — патроны возьмем холостые, класть я никого не хочу, я не гангстер. Но фактор испуга мы задействуем. Войдем, покажем ружье, лазер уже подвезен. На «сварочник» похож из ЖЭКа, подсоединимся, сожжем что надо и уйдем.

— Ну намудрил! Не проще ли через Дениса было? Хотя, понимаю — Денис должен быть не запятнан. Ну, а если кто-то проявит героизм, если кто-то все-таки узнает Дениса, если кто-то нажмет «тревожную кнопку»... Миллион разных «если». И в каждом случае тебе может захотеться выстрелить. А холостым, в принципе, тоже можно убить.

— Конечно, всего не предусмотреть. Но мы постараемся предусмотреть как можно больше. Пара дней есть еще подумать.

— Есть способ лучше — «Рондо». Шутка. Двустволку возьму я.

— Хм-м.

IV

Они идут.

«Мы шли под луною полной, была холодна она...»

Они идут. Правда, не под луной. Просто под серым небом. Серое небо уже всерьез настроилось на зиму, с него сеет белой твердой крупой. Их двое. Идут вразвалочку. Торопиться некуда, в запасе — полчаса, ходьбы — на пятнадцать минут. Они не идут по центральной улице, сворачивают во дворы. Их поступь не назовешь чеканной, их мысли далеко не пафосные. У одного в голове крутится строчка из песни «Педро»:

И старый верный пулемет,

Ленты на груди

Крест-накрест

Амиго...

Пулемета, конечно, нет. Есть двустволка без приклада на ремне подмышкой. Очень удобно, только плащ расстегнул — и готово.

Второй думает, что надо не забыть купить молока, когда все кончится.

У них есть планы на будущее — они ведь не камикадзе. Все, что надо было сказать, сказано. Они молчат.

А жизнь вокруг сплошь состоит из подвижных декораций. Это как смотреть на фото знакомого где-нибудь в Венеции. Он стоит и молодцевато улыбается, а вокруг — площадь тринадцатого Века, какие-нибудь соборы, голуби в волнах света, итальянцы всех видов и мастей. Но все это — лишь декорации, наш знакомый — на него-то мы и смотрим — находится в одной фазе жизни, а все остальное, включая спешащих к своему спагетти итальянцев, — в другой. Так и здесь. Жизнь кипит, но не пересекается с нашими героями.

На асфальте — капли крови. Человек шел и из него капала кровь.

«Кому-то нос расквасили. С гемоглобином у парня все в порядке».

Действительно, кровь была почти черной. След шел зигзагом, иногда казалось, что он сейчас свернет, что уже свернул, но нет, он упорно шел перед ними. Как будто их вел какой-то раненый связной, что брел на полусогнутых здесь полчаса назад и не нашел ничего лучше, чем указывать путь, разжав собственную рану. Этаким мальчик — с пальчик. В конце концов след вывел их к полуразрушенному дому в самом географическом центре города. Во дворе кирпичной желтой «сталинки», стоял скелет другой такой же, но более старой. И прежде чем обойти ее, он вдруг опять услышал тихий звон. Музыка ветра.

Стена. К ней вел след крови с высоким содержанием гемоглобина. У нее он кончался. Только тут они поняли, что уже не смотрели по сторонам, очень долго смотрели только себе под ноги. Капли крови подошли к стене и закончились, было ощущение, что человек, который вел их таким затейливым способом, взлетел вверх. Ерунда какая-то. Они подняли глаза почти одновременно. Подняли равнодушно... На стене было написано черно-бордовой краской с потеками:

ИИСУС — ГОСПОДЬ!

В городе, где на стенах обычно маты, в лучшем случае — граффити, смотрелось это, конечно, немного вычурно, но и очень остро чувствовался смысл, с другой стороны. Очень остро.

Они стояли и, как замороженные, смотрели на надпись. Подвижные декорации вдруг остановились и превратились в обычный окружающий мир. Люди в этом мире были задержанные, печальные и чем-то сплошь обделенные.

«Что же это мы... Зачем? Зачем это все?»

В воздухе вдруг пронзительно запахло холодной пылью, это пахла надвигающаяся зима. «Господи, какие мы идиоты. Бедные, бедные люди! Несутся куда-то, чего-то ищут, не находят и страдают, страдают. От болячек, от безденежья, от детей-нахлебников. И мы тут со своим ружьем, два грустных клоуна...»

Он оторвал взгляд от стены. Асфальт с седыми прядями редкого снега, рядом, зябко ежась по обыкновению, стоит Павел, его соратник с глазами, будто тоже запорошенными снегом. Редким серым снегом.

«Тоже псих. Дома жена ведь, дочь, души не чают, ждут папу-кормильца. А папа вздумал в „Народную волю“ поиграть. Мир спасти, блин! Заодно умножить зло вселенское. И неужели смог бы?»

— Паша...

Рядом вдруг резко завизжали мертво задавленные тормоза, золотистый «Лексус», выскочив из-под арки, «клюнул» носом в сантиметрах от ног «Игоря». Из окна «Лексуса» высунулось рыло в темных очках-полосках.

— Ну вы, дебилы, с дороги, на..., отойдите! В натуре, людям уже ездить негде, б...!

— Спокойно, спокойно, парень, — Павел взял «Игоря» за руку, которой тот уже растянул две нижние пуговицы плаща. — Тихо и спокойно уходим, пусть живет, дерьма кусок. Нельзя светиться нам, пошли, пошли.

И они пошли туда, куда и шли изначально. Если ты вышел на улицу с ружьем под мышкой, ты в кого-то выстрелишь. Каждое ружье должно выпить крови, неважно чьей. Для этого оно и сделано.

V

— Это Кирилл, это Юрий, это Игорь, знакомьтесь.

Они стояли сбоку и немного в стороне от жилого девятиэтажного дома, на первом этаже которого в двух бывших квартирах и находилось нужное Интернет-кафе. Горделивая ало-белая вывеска «Компьютер-с».

«Уютная контора. Под окнами — тополя, должно быть, в июне у клерков повальная аллергия на пух», — «Игорь» перевел взгляд на своих подельников. Кирилл, человек с таким тяжелым взглядом, на который буквально натыкаешься. Он не смотрел, а давил предметы к земле. Видно, много зла претерпел за свою недолгую жизнь Кирилл. Второй, Юрий, — «афер» чистой воды. Его взгляд выдавал такую гнусную и неуправляемую натуру, что можно было ожидать чего угодно — и задушевной беседы «за жизнь», и ножа в живот. С веселым удивлением в глазах. Мерзкий тип. Денис, видимо, пока остается «за кадром». Ну да, зачем «светиться» перед сослуживцами. Веселая подобралась компания, включая Павла, борца за идею, и, соответственно, наполовину слепого, и «Игоря» — вот кто действительно случайный гость на нашем балу. Однако же, случайные гости не приходят с двустолкой.

Картину дополняет автомобильный прицеп цвета «хаки» странной конструкции с прилепленной на боку табличкой «ЖЭК-2. Ответственный за эксплуатацию Карпенко Д. С.». Такая нехитрая конспирация. «Игорь» с интересом разглядывал прицеп. Шкаф как шкаф. Все гнезда для кабелей спрятаны, только сетевой разъем торчит, в жизни не подумаешь, что лазер — это порождение «Звездных войн», выглядит так обыденно.

— Значит, как задумано, заходим все по очереди, с интервалом в минуту, и — в разные углы. «Засветим» ствол, менеджеров — в кучу посреди зала, снимаем «мобилы». Юрий, все называют тебя «Парень», идешь, и быстро, в задние комнаты, проверяешь там. Особое внимание — «сортиру» и задней двери, там могут курить. За все про все — четыре минуты, никого ни под каким предлогом не калечить, и, упаси боже, не убивать, максимум — дать по зубам. Интернет-кафе, кстати, по агентурным данным еще нет, есть точка по продаже оргтехники. Но кабель подведен, а это главное. Менеджеров — в заднюю комнату, на пол штабелем, в два ряда. «Парень», ты будешь с ними, чтобы не шуршали. Приходит наш друг программер, ты, Кирилл — позывной «Красавчик», за то время что он идет, кидаешь кабель от «телеги» вот через это окно в зал. Программер отработает в Сети и уйдет, к нему не обращаться, позывного у него нет. Кабель-то, кстати, не сперли? Нет? Хорошо. Общее время — семнадцать-двадцать минут. Цепляем кабель, подаем луч — еще три минуты. «Газель» где? Сейчас тринадцать ноль-ноль, в тринадцать двадцать пять, «Красавчик», я тебя меняю, подгоняешь «Газель», цепляешь «телегу», кабель — долой и уходим. Мой позывной — «Босс». Вся любовь. Пардон, чуть не забыл, Игорь все это время — в торговом зале, ствол в порядке? Игорю позывной не нужен, но без нужды к нему не обращаться. Ты наш секундомер и пугач, от слова пугать. That's oll. Ножи? Хорошо. Муляж? Ну вылитый «макаров», молодец, «Красавчик». Начали.

«Действие первое — те же и персонал фирмы. Два крылечка, девять ступенек. Ах, мы пошли, мы пош-ли. Я так волнуюсь!»

VI

— Все на пол в центре зала, это ограбление!

Одновременно с этим криком Павла, на который удивленно обернулись два клиента и четыре сотрудника фирмы, «Игорь» из-под расстегнутого плаща поднял двустволку в лицо менеджеру, что сидел в правом углу за компьютером.

Понеслось!

Лицо менеджера стало безмерно удивленным. Но черные дыры стволов, из которых каждую секунду могла выскочить смерть, показали ему, что случилось что-то очень плохое. Все мы ведь, в сущности, не готовы к тому, что нас будут грабить, тыкая ружьем в лицо. Все мы уже отвыкли от того, что когда-то боролись за выживание такими нехитрыми методами.

Поэтому на менеджера напал столбняк. Правой рукой держа оружие, «Игорь» левой схватил этого пня за плечо и с силой толкнул в середину зала, где уже лежали остальные.

— Никакого, ... мать, героизма и все будете cool! Живы, я хотел сказать. Вперед, «Парень»!

— «Босс», еще двое!

— Обыщи, «мобилы» — себе. Этого, в мятой джинсе, скотчем свяжи.

— Три четырнадцать.

— Зэр гут. «Красавчик», гляди сюда, под стол, под тот тоже. Видишь?

— Есть, «Босс».

— Не трогай ни в коем случае. Давай этих в заднюю. Вы! В комнате все ляжете штабелем, друг на друга, иначе башку разнесет, вот он! По одному, живо! «Парень», встречай и клади! Этого сверху.

— «Босс», это не «мобила»!

— Вот, б..., это радиокнопка! У кого была?

— У него.

— А-а, у тебя? Тебе ведь не зря ее повесили, да? Ты, наверное, какой-нибудь старший помощник младшего конюха? Ну, если ты ее нажал, сука, молись...

— «Парень»!

— Порядок, «Босс», все здесь, кроме вашего, штабелем.

— Одиннадцать тридцать четыре.

Павел взял из кучи на столе первый попавшийся мобильник, набрал номер, коротко сказал: «Иди».

— «Босс», менты!

Как пишут в пьесах: «Немая сцена». Вся свистопляска, которая уже набрала темп и была похожа на hollywood-blockbuster о грабителях-счастливчиках, вдруг остановилась, как иномарка, вбитая в столб. Все вдруг отчетливо поняли, что они... в России.

— Ладно, — Павел, преодолевая сонное оцепенение, моргнул и потряс головой. — Ладно, план Б. Этого за ширмы.

Кирилл пихнул «старшего помощника» за стеллажи с системными блоками, попутно «зарядив» ему кулаком под дых.

— «Парень», план Б! Возьми этого!

— Понял! — судя по звуку, «старшему помощнику» перепало еще и по зубам от Юрия.

Павел сбросил куртку и сел за компьютер в углу. Кирилл, в другом углу также сняв свою куртку, наклонился над коробкой из-под принтера и заинтересованно стал ковыряться в ней. «Игорь» просто спрятал двустволку под полу плаща, запахнул его и с безразличным видом уставился на стеллажи с продукцией: «Стоит ли брать эти колонки Sven? Вот в чем вопрос...»

— Ну че, клиент, будь готов! — Павел подмигнул «Игорю». Вышло как-то нервно.

— Всегда!

Входная дверь открылась, вошли друг за другом два скучающих мента ОВО-шника, оба почти одинаково невысокого роста. Один — непомерно широкий, да еще в бронежилете, в итоге руки его были направлены не параллельно телу, а под углом в разные стороны. В одной руке был АКСУ.

— «Тревожку» нажимали? — спросил он, обращаясь к Павлу.

— Кнопку? Нет, мы не нажимали, — Павел широко и слегка растерянно улыбнулся. Ни дать, ни взять недотепа-клиент, далекий от всех этих охранных штучек. — Жень, ты не нажимал? — это он Кириллу через весь зал.

— Нет, — Кирилл даже не поднял головы от своего принтера в коробке.

«Игорь», прогуливавшийся вдоль стеллажей, решил встрять в эту импровизированную постановку «Гамлета». Датского, блин, принца.

— Кто может рассказать про мониторы?

— Извините, одну секунду, вот возьмите пока проспект, там довольно подробно... Никто не нажимал, — это Павел, пожав плечами и виновато улыбаясь, уже опять менту с растопыренными руками.

Мент тяжело вздохнул и поднес ко рту гофрированную «моторолу».

— «Ясень» — восьмому, — сказал он в эфир.

— На связи, — пробубнила в ответ «моторола».

— Я в «Компьютер-се», «тревожка» сработала, хозорган говорит — не нажимали.

— Понятно.

— На пульт попробуй.

— Пробую... принялось. Кто ответственный?

— Фамилию скажи, — это мент уже Павлу, видимо, надоело общаться с бездушной рацией.

Павел на секунду потерялся, но увидел на столе прямо перед собой бейдж, видимо, менеджер в мятой джинсе ленился пристегивать его на карман. «Игорь» прямо спиной почувствовал напряжение в воздухе, но мент, похоже, не заметил, видно привык иметь дело с тупыми «хозорганами».

— Парамонов.

— «Ясеню» — Парамонов, — мент решил поделиться с рацией радостной новостью, вот мол, вспомнил, чучело, фамилию свою, наконец.

— Понял. Стоп. Нет такого.

В списке лиц, ответственных за постановку-снятие «тревожной кнопки» на пульт охраны, менеджер в мятой джинсе не значился. Можно было бы брякнуть еще фамилию наудачу, но не факт, что угадаешь, только хуже будет. Можно было сказать, что г-н Парамонов недавно работает и еще не внесен в списки. Можно... Да много чего еще можно было сказать, много чего, но не в этой ситуации. Поэтому Павел тупо пялился в компьютер, на лице его дотлевала улыбка.

Мент подозрительно уставился на Павла, второй, разглядывавший до этого «материнские платы» на стеллаже, тоже повернулся.

— Документы покажи! — с хамской угрозой в голосе, чисто ментовская форма общения.

«А вот это уже скверно. Эх, Павел-Павел. Говорил я — гладко только на бумаге бывает...»

«Игорь» встал, пока еще спиной так, чтобы оба мента были от него почти на одной линии, и резко повернулся, задирая двустволкой полу плаща, упер «тулку» в нос первому.

— Автомат — на пол, б...!!! Автомат — на пол, я сказал!!! И ты тоже, у витрины!!!

— Во, х... ня! — мент с удивлением смотрел в черные маслянистые глаза двустволки. Потом взгляд его стал стекленеть, и он медленно, как во сне, начал поднимать автомат одной

рукой, как и держал. Второй мент, что интересно, при первом окрике сразу бросил АКСУ в сторону и приподнял руки.

— Автомат — на пол, debil!!! — «Игорь» с силой ткнул стволами ружья в нос несговорчивому менту. Тот отшатнулся, из носа сразу выскочили две красные струйки, но он продолжал поднимать, медленно поднимать автомат. Как бык на бойне, получив удар кувалдой, все равно продолжает идти на забойщика. И вот, вот автомат уже почти на уровне груди «Игоря», а он как-будто не верит, да и как можно верить-то, если все неправдоподобно, как во сне-кошмаре, и к руке мента будто двухпудовая гиря привязана, и автомат-то, наверное, на предохранителе стоит. И палец зря только давит на спуск. Они выстрелили почти одновременно — мент в плечо «Игорю» и «Игорь» в грудь мента, защищенную бронежилетом. Какая-то неодолимая сила проволокла мента пару метров до окна, он собрал по дороге стол с компьютером, перепутались и отскочили белые сетевые шнуры, а сам упал головой в батарею отопления. Упал грузно, неодушевленным предметом, как манекен, и из-под черного его берета быстро стала набухать темная лужа. «Игорь» же просто упал, как стоял, под стол.

Гиперреальный (и страшно нелепый) Doom.

— А-а-а, с-суки! — второй мент выхватил «макаров», одновременно дергая затвор, и вывернул руку в сторону Кирилла. Тот абсолютно так же, как в жизни, с таким же осязаемо-черным взглядом исподлобья, вышагнул из-за своего стола в сторону мента. И будто не на свой игрушечный «макаров» надеялся он, а хотел сжечь, спрессовать взглядом.

«Кобейн мертв!»

Мент выстрелил — Кирилл упал ничком, спрятав свой ненавидящий черной ненавистью взгляд под себя в пол. И «Игорь», лежа под столом и пытаясь одной правой рукой перезарядить «тулку», вдруг вспомнил — он много раз видел Кирилла. Тот работал на центральном рынке, видимо был и экспедитором, и шофером, и грузчиком у одного знакомого ларечника. Вспомнил даже его «газельку» с замызганным тентом.

«Заппа мертв...»

Из-за ширмы-стеллажа вылетел Юрий, по-бандитски снизу держа нож и слегка пригнувшись, бросился на мента. В глазах его плясало веселое удивление. Мент как раз, нелепо перескочив через Кирилла, побежал к стеллажам, пытаясь уйти в задние комнаты. Он спиной чувствовал, что сзади будто обрушивается вниз пол. Ближе, ближе к нему. Это Павел идет поступью Командора, со сведенным судорогой в нелепую ухмылку лицом. Вот он взял автомат первого мента, точнее, выдернул у него из руки.

«Клизель мертв!»

Мент вдруг увидел новую опасность — Юрия.

— У-у-у, падл-ла! — в горле у него был спазм, не раздумывая, он дважды выстрелил в Юрия. Тот упал и, падая, ухватился рукой за секцию стеллажей, наполовину свернув, наполовину уронив ее, превратив свой угол и проход в заднюю комнату в баррикаду из мониторов, принтеров и прочего барахла. И менту стало некуда бежать.

«Игорь» все никак не мог вставить второй патрон, не попадал в ствол. Кровь била толчками из левого плеча. И он вдруг отчетливо увидел Юрия на улице, что спускается к центральному рынку, стоящим среди таких же как он, спекулянтов-валютчиков. «Видно и Юрий — всё, раз я его...»

— Руки в гору! — этот спокойный голос явно был Павла, а вот человек с автоматом и пустыми глазами на стянутом в одну сторону лице, на Павла похож не был.

Мент быстро обернулся, уши и волосы на голове — берет он где-то уронил — как бы сдвинулись назад, а глаза стали уже.

«Кейт Мун мертв!..»

И, выдыхая коротко и хрипло в такт, мент выстрелил еще три раза. Павел, разворачиваясь влево и назад, завалился, запутав ноги. Звякнул автомат. Он может быть и хотел, очень хотел

выстрелить, но редкие «отморозки» могут убить легко и с первого раза. Обычные люди долго бьют и потом не могут спать какое-то время. «Не убий!»

Мент откуда-то издалека, изнутри себя, оглядывал поле боя. Убитых им людей, ни один из которых, кроме может быть Юрия, и то вряд ли, никто из них не имел шансов убить его. Он не понимал еще, что эти люди убиты им, что именно благодаря ему кто-то на-всег-да перестал строить планы, думать, дышать. А кто-то не купит молока дочери. Маленькой губастенькой дочери. Он, может, так и не поймет этого до конца — он ведь не знал этих людей. Его загнали в угол, и он перестрелял их.

«Элвис мертв!»

На пол из-за стола вывалилось белое лицо «Игоря», обрамленное красным плащом, но с удивительно ясными глазами. Чуть приподняв одной рукой жадные дула, он выстрелил «дуэтом». Мента смело, он и не понял ничего. Только брызги крови по белым стеллажам, да в углу упал еще один монитор. «Око за око».

Все это время две мысли назойливо крутились в голове «Игоря». Одна — «необратимость», как если бы вашему попутчику в автомобиле вдруг оторвало высунутую в окно голову, секунда — и ничего не изменить. Вторая мысль — «остановить!».

«Эх, Павел-Павел. Ты ж перенабить должен был патроны, убрать картечь. Какие ж это, к хренам, холостые...»

Так же лежа на полу, только перевернувшись на спину, жадно глубоко дыша, одной правой рукой расстегнул ремень подмышкой, на котором висело ружье, перекинул за шею, продел в пряжку и затянул, затянул, как мог туго. Кислороду бы! Достал платок, вытер рукоять и цевье двустолвки, откинул ее к лежащему недалеко Юрию, ему уже все равно.

«А ты еще крепкий старик, Ро-зен-бом!»

А-а... Надо вставать. Где-то в начале драки, он припомнил, заревел мотор и судя по звуку «жигуль» резво сорвался с места. Третий мент. Значит, скоро здесь будут люди в синем. С автоматами и без желания брать пленных. Он встал, несмотря на сильную слабость и красные провалы в окружающем мире — следствие кровопотери — подошел к Павлу, перевернул его на спину. Три дырки — три попадания, лужица крови. Но он не вспомнил Павла, значит... Нащупал сонную артерию на шее. Тонкий слабый пульс, очень тонкий и очень слабый, но есть! «Эх, Пашка-Пашка, какие мы идиоты! М-м-м, какие идиоты! Нельзя ведь так было, нельзя-а...» Думал, а сам тащил его одной рукой за брючный ремень сквозь свои красные провалы, раскачиваясь от слабости, в угол, к столу, где сидел тот, в мятой джинсе. Наверное, со стороны это смотрелось нелепо и страшно, а может и смешно — белый человек в пятнах крови с мутными глазами тащит какое-то тело, запинаясь то за автомат, то за другое тело... Преодолевая тяжелую сонливость, снял телефон со стола, пальцем Павла ткнул 0—2, занято, как всегда, положил трубку лежащему Павлу на живот. Пришпилил, с трудом наклонившись, ему на грудь роковой бейдж «Парамонов Сергей, менеджер». Продышался. «Ну, „Парамонов“, если до всех разборок тебя увезут на „Скорой“, то маленький шанс у тебя есть. И попробуй только не воспользоваться им...» Штормит. Балла четыре. На крыльцо. Пока никаких ментов. Хотя, может он просто не видит, может, они прячутся в красных провалах? Заплетающимися ногами — соскальзывая — девять ступенек — молоток в плечо... Или метроном... Ему вдруг стало все равно, глубоко и абсолютно плевать — поймают, не поймают.

«Ну, вот и все. Око за око. Как говорится, Patria o muerte. Не получилась Patria, зато muerte — всем. Старик Че мог бы нами гордиться. Господи, господа, как по-дурацки все...»

Он не замечал прохожих, что удивленно таращились на человека в белом плаще с красным верхом. Шел нетвердым шагом по самому центру города, совсем рядом со зданиями управлений МВД и ФСБ по краю. Но никто не останавливал его, ни сотрудники ФСБ, ни МВД, ни простые герои из народа. У всех были свои дела.

Остановился на перекрестке.

«У каждого, видать, свой Апокалипсис. Вот он — конец всего и всему, для меня. И сделанного не вернуть, б..., как бы ни хотелось...»

— Подскажите, пожалуйста, далеко до рынка отсюда? Мне на рынок надо, а автобус не там свернул. Дорога, говорят, перекрыта.

Он тяжело повернул голову. Рядом стоял слепой и, глядя в никуда, ни к кому не обращаясь, спрашивал. Или он услышал его присутствие?

Пожилой, невысокого роста, с неподвижным лицом, с палочкой. Одет в какую-то совсем простую, если не сказать бедную куртку. Человек ждал ответа ниоткуда. Или он надеялся, что Он ответит?

— На рынок... — прямо. Я могу вас... через дорогу перевести.

— Переведите, уж будьте добры так.

И они пошли. Белый человек с красным плечом вел, нетвердо шагая и раскачиваясь, Слепого с палочкой, сам почти не видя. В плече бился метроном.

Тик... Так...

— Кабы не нужда, не поехал бы. Сами понимаете, трудно. Автобус-то всегда возле рынка останавливался, а тут... Учился я, в школе для слепых. И жена, слепая у меня тоже она. Операцию делали мне на позвоночнике...

Тик... Так...

— ...а не помогает..... обычно-то автобус у самого рынка...

Тик... Так...

— ...тяжело, конечно..... да мир не без добрых людей...

Тик... Так...

Красные провалы вдруг слились в одно большое пятно. И он упал, прямо посреди дороги. Слепой недоуменно замолчал. Включился «зеленый», машины с ревом устремились вперед и поехали, поехали, аккуратно объезжая лежащего человека и растерянно топчущегося рядом Слепого. И так лежал он, а сверху голыми тополями скалилась Осень, и он смеялся в ее оскал «шестернями» на подошвах ботинок, лежа на кресте перекрестка.

И он вспомнил.

Тик...

2002г.

КРАСОТОЮ СПАСЕШЬСЯ

Только у нее одной есть стиль.

Надо же, их столько здесь, у всех одинаковая униформа — белый верх, черный низ... Совсем как в старое доброе время, когда так ходили пионеры. Все они примерно одинаковы. У нее тоже — белый верх, черный низ. Но она... Она словно...

...танцует на невидимом для остальных балу. Под неслышную музыку. Причем, не она держит такт, а мелодия звучит в такт ее движениям.

Я слышу. Я, может, и рад бы не слышать, быть глухим как большинство людей вокруг. Но я слышу.

Люди едят, погруженные в свои мысли. Кто-то задумчиво, не спеша, кто-то быстро, редко — красиво. Красиво есть, не склоняясь как скупец над каждой ложкой, не вытирая рот тыльной стороной руки, не чавкая, наконец, могут немногие. А эту музыку, что сопровождает ее танец, не слышит вообще никто. Нет, это не значит, что на нее не обращают внимания. Посетители помоложе периодически строят ей глазки, изредка заговаривают, самые непосредственные бросают скабрзные намеки. Она отвечает с неизменным изяществом.

Вот, вот.

Я, наконец, определил это... Изящество. То, как она ставит тонкую ногу в черной туфельке на шпильке. Как поворачивается, словно делая танцевальное па.

И-зя-ще-ство.

Да, я тоже прихожу сюда поесть. Заказываю обильную трапезу. И ем, конечно же, тоже не идеально, тоже спешу, делая движения вилок, будто швыряю уголь в топку. Мне говорили. А в конце завтрака/обеда/ужина машинально вытираю рот тыльной стороной ладони. Но, поев, поев-ев, хм-м-м, я начинаю делать странные вещи. И большинство сидящих вокруг людей, узнав о них, как минимум отодвинулись бы подальше.

Я раскладываю предметы. На тарелке, ее я вытер салфеткой насухо, нож, вилка и маленькая ложка образуют три параллельных линии. Средняя линия — это вилка — указывает на чашку из-под кофе. Чашку — в блюде. Супница стоит у дальнего конца тарелки строго посередине. На ближнем краю тарелки лежит свернутая вчетверо салфетка. Также посередине. Послание готово. Что значит — кому? Ей, конечно. Каждый раз, поев, я оставляю послания. Как истинный зодчий стараюсь не повторяться. Вы не представляете, как много композиций можно выстроить из такого ограниченного набора предметов. И в соответствии со строгими правилами геометрии, и обращаясь с ними весьма вольно.

Она никогда не подходит к столу раньше, чем я уйду. Не то что другая девица, которая однажды хищно унесла чашку с кофе, по задумчивости отставленную в сторону. Я бы не спеша пил его еще четыре минуты. Но... не успел. Теперь, если эта девица приближается, радушно улыбаясь, я крепко держу то, что не намерен отдавать. Чай с булкой, к примеру, и ей приходится довольствоваться жалкой тарелкой из-под второго.

Что интересно, у всех девушек на груди — бэйдж с именем. Та, что отобрала кофе — Тамара, эта пышка с обесцвеченными кудрями — Елена. И только она никогда не носит бэйдж. Она. Безымянное совершенство.

Итак, в сотый раз я ухожу, оставив свое послание. И, уходя, краем глаза вижу, как она поворачивает голову в сторону освободившегося столика. У нее стрижка «под мальчика». Сейчас она подойдет и, чуть склонив свой прямой стан, протянет руку к моей импровизированной икебана. Ее музыка может усилиться, а может затихнуть. В любом случае, я этого не услышу.

Я уже уйду.

Я всегда ухожу.

Напрашивается закономерный вопрос: «Почему?» Может быть, я попал в «день сурка» и прихожу сюда в одном и том же дне многие месяцы? И менять что-либо нет смысла?

Нет.

Может быть, послезавтра мне уезжать волонтером на какую-нибудь локальную войну? Тогда тем более стоило бы к ней подойти и предложить сходить на экскурсию в дендрарий, к примеру. Будет что вспомнить в сырых окопах.

Нет.

Может, я совершенно глух, как великий Л. В. Бетховен и музыка звучит только в моей голове? И я не хочу делать никого несчастным, тем более ее?

Нет.

Все гораздо проще. Выходя на улицу, включаю мобильник. Он сразу же начинает раздраженно пищать. Памятка. Позвонить «Х». И тут же пищит снова. «Х» сам решил позвонить «на опережение».

— Да.

— Не забыл?

— Забудешь тебя.

— Через полтора часа у ВДНХ.

— Через час.

— Старик, ты жмешь. Не успею.

— Я в тебя верю. Через час.

— Ум-м-м. Ладно, через час.

— Давай.

Только успеваю нажать «отбой», как он снова пищит... Разговаривая, перехожу дорогу, постепенно разгоняясь. Сейчас я сяду в свой «опель» -среднячок и выжму из него за одну поездку столько, сколько прежний хозяин-бюргер не выжал за весь пробег. Я спешу, спешу, чертовски спешу. Ничто не может помешать мне. Ни эти толпы полупьяных тинэйджеров, ни гул «за кадром», ни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.